

МАКСИМ ТИРСКИЙ О СОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ (OR. 20–21)

А. В. ГАРАДЖА

Российский государственный гуманитарный университет
agaradja@yandex.ru

ALEXEI GARADJA

The Russian State University for the Humanities (Moscow)

MAXIMUS OF TYRE ON SOCRATIC LOVE (OR. 20–21)

ABSTRACT. Maximus of Tyre (*fl.* late 2nd century AD) is most poorly and confusedly attested by ancient sources. The best testimony to be found is his extant collection of 41 *Orationes*, or *Dissertationes*, addressing a wide range of topics, including the issue of ‘Socratic love’ (Or. 18–21), i.e. of Plato’s theory of eros dealt with by the latter, *imprimis*, in his dialogues *Symposium* and *Phaedrus*. Maximus of Tyre may be dubbed a ‘Platonist’, though not in a scholastic vein (as, e.g., his contemporary and sometime neighbour in the manuscripts Albinus), but rather as an author who strived to mould his own writings in the spirit and style of Plato’s works. The author closest to Maximus may have been Favorinus of Arelate (*ca.* 80 – *ca.* 160). As a widely educated person, Maximus shows a good knowledge of Plato as well as of other ancient authors, whose many fragments (e.g., of Sappho and Anacreon) are extant solely thanks to his quotations. Maximus is scarcely known in the Russian language: a few translations of the last century are based on an obsolescent edition. As an appendix, a new Russian translation of Or. 20–21 based on seriously corrected editions of Maximus’ text is provided.

KEYWORDS: Maximus of Tyre, Socrates, Plato, love.

О Максиме Тирском источники сообщают крайне скупо и путано. В ближайшем по времени, «Хронике» Евсевия Кесарийского († 339/340), сохранившейся лишь в армянском и латинском переводах, *ἡ μαξιμουσιανή* (*Maximus Tyrius*) приурочен к 2164 году от Авраама (149 от Р.Х.) и числится среди учителей (*ψηφιστοὶ*, *praeseptores*) Марка Аврелия: он спутан с проконсулом Африки Клавдием Максимом, перед которым в 158 произнес свою «Апологию» Апулей. Источником Евсевия могла быть утраченная *Φιλόσοφος ἱστορία* земляка Максима Порфирия – с которым он тоже, видимо,

спутан в «Письме к Приску» (*Ep. 12 Bidez-Cumont*) императора Юлиана. Впрочем, здесь вопросы, скорее, к современным исследователям, которые лишь подливают масло в огонь неопределенности: достаточно популярно отождествление нашего автора с Кассием Максимом, другом Артемидора Далдианского, который называет его *ἀνδρῶν σοφώτατος* и посвящает ему первые три книги своего «Сонника» (ср. Rack 1963: xxv–xxvi). Единственное более или менее определенное свидетельство мы находим в словаре *Суда* (M173), где Максим назван философом, жившим в Риме при императоре Коммоде (правил единолично в 180–192) и занимавшимся главным образом Сократом и Гомером. Оно воспроизводится в списке философов на последнем листе *Cod. Mosquensis S. Synodi* 6 (450), где перечислены Плотин, Порфирий, Прокл и другие неоплатоники, но первым поставлен именно наш автор.

Но всё-таки лучшим свидетельством о Максиме служат сами его «Речи» или «Рассуждения» (сам автор называет их *λόγοι* или *σκέμματα*, редакторы рукописей – *διαλέξεις*), сборник из 41 эссе на самые разные темы – из которых, впрочем, мы можем узнать Максима именно как автора, но не как реального человека. С Коммодом обрывается золотой век Антонинов: возможно, именно этим переломом объясняется то, что Максим столь решительно зажмурирует глаза на современную ему реальность, живя и дыша исключительно древностью и классическими образцами. Но этой же *Unzeitgemäßigkeit* подстегивается интерес к его труду у последующих поколений, не ослабевающий вплоть до наших дней.

Сократ, Платон, Гомер, любовь, добро и зло, демоны – всё это не могло не вызвать интереса ренессансных ученых, получивших возможность познакомиться с Максимом, как только византийские рукописи начали вывозиться на Запад после падения Константинополя в 1453. Иоганн Рейхлин первым перевел на латынь (1488) одно из эссе Максима (*Or. 41*: «Если бог творит добро, то откуда зло?») и не раз упоминает его в своей *De arte cabalistica*. Первый полный перевод «Речей» на латынь осуществил Козимо де' Пацци, племянник Лоренцо де' Медичи: впервые изданный в 1517, он затем не раз редактировался другими учеными, в том числе Анри Этьеном (Стефаном), который в 1557 первым издал греческий текст «Речей» (*editio princeps*) и одновременно – их латинский перевод (прославившие Стефана Ἰπλάγτα Платона появятся в 1578). Вдохновителем перевода Пацци выступил Ян Ласкарис (1445–1535), знаменитый «перевозчик» греческой культуры и учености на Запад, который, видимо, и доставил во Флоренцию древнейший манускрипт с Максимовыми «Речами» *Parisinus Graecus* 1962, датируемый концом 9 века – как и *Parisinus Graecus* 1807, древнейшая рукопись мно-

гих платоновских работ. Учеником Ласкариса был, между прочим, и «наш» Максим Грек. Флорентийские гуманисты и платоники не только пристально занимались Максимом, но и охотно использовали его в собственных работах: помимо Пацци, здесь прежде всего можно упомянуть Марсилио Фичино, Анджело Полициано и Дзаноби Аччаюоли.

Главная трудность для перевода Максима – протеевский характер его текста, упорно ускользающего – совсем как личность автора – от окончательной фиксации. После Стефана он издавался еще не раз. На протяжении почти всего 20 века стандартным изданием было тейбнеровское, подготовленное Германом Гобейном (Hobein 1910): именно на его текст опираются немногочисленные русские переводы речей Максима и именно он воспроизводится в *TLG* – куда, к сожалению, не попала самая ценная часть этого издания, а именно многоуровневый аппарат, включающий массу вторичных материалов (схолии, выдержки, маргиналии). Ключевой изъян Гобейнова издания – ошибочно выстроенная рукописная традиция, ведущая к ошибочным выборам чтений.

Ведь и издатель, и переводчик Максима постоянно должны *выбирать* – опираясь, конечно, на собственные суждение и вкус, так что об «ошибочности» здесь можно говорить лишь условно. Где, например, будет ошибка при выборе между *κάλλιστος* и *κάκιστος*? Контекст подсказывает второе, но Гобейн выбирает первое чтение, истолковав его как выражение иронии. Работа с подобным текстом напоминает сотворчество автора и читателя, о котором говорит сам Максим (*Or.* 18.5). Изысканный ритор, охотно играющий словами и фигурами речи, ритмами и стилями, Максим нередко выражается предельно сжато, эллиптически, вынуждая издателя (как и переводчика) заполнять эти пробелы по своему разумению. Здесь тоже выбор определяется вкусом.

В самом конце 20 века почти одновременно появляются сразу два новых издания «Речей» (Trapp 1994 и Koniaris 1995), каждое по-своему замечательное. Оба исследователя – авторитетные специалисты по Максиму. Майкл Трапп дополняет свое издание превосходным литературным переводом «Речей» на английский (Trapp 1997). Джордж Кониарис сопровождает текст подробнейшим двухуровневым аппаратом. Наконец, Селена Брумана исправляет текст Траппа – в основном, опечатки типа *Ἀπασίαν*] *Ἀσπασίαν*, но и с оглядкой на Кониариса – и дает параллельный итальянский перевод (Brumana 2019). Настоящий русский перевод речей о «сократической любви» (*Or.* 20–21) следует этой же ориентации на оба современных издания Максима – но без уклона в буквализм, заметного в переводе Бруманы. Мы попытались, напротив, «подыграть» Максиму, отразив в переводе не только

план содержания, но и план выражения – конечно, теми средствами, которые доступны и привычны именно в русском. Простейшие вещи не поддаются переводу между языками: так, гекзаметр по-гречески русским ухом будет воспринят как неустроенная, далекая от поэзии речи. Сам Максим рассуждает о такой привычке к наслаждению (*Or.* 21.5–6): предложи кому-то наслаждение, к которому он не привычен, и оно тут же обращается для него в мучение. Надеемся, что читатель воспримет с пониманием и не упустит *le plaisir du texte* в предлагаемом переводе Максима Тирского.

20. ЕЩЕ О СОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ¹

(1) Смердий, фракиец, в плен попавший к элинам, юноша царского происхождения и горделивой внешности, однажды Поликрату с Самоса, тирану ионийскому, был в дар отправлен. Довольный даром, Поликрат влюбился в Смердия; его же полюбил и теосский поэт Анакреонт. От Поликрата Смердий получал и золото, и серебро, и всё, что только может от влюбленного тирана ждать прекрасный юноша; тогда как от Анакреонта – оды, энкомии и всё, что только можно от любовника поэта ждать. И если кто решится сравнить одну любовь с другой, любовь тирана и любовь поэта, которая из двух скорей покажется небесной, боговдохновенной и Афродиты имени достойной, и делом бога? Я думаю, что победит та, что Харитами и Музами напитана, скорей чем та, которая замешана на принуждении и страхе: одна подобна пленнику или наймиту, которому ни в чем нет счастья, другая же – свободному и элину.

(2) Вот почему, мне кажется, всё, что к любви относится, у варваров совсем не принято. Ведь там, где прозябает в рабстве большинство и деспотична власть, изъято среднее – свобода слова, равноправие и равенство перед законом. Любовь же ничему так не враждебна, как принуждению и страху: она – создание гордое и вольное невиданно, свободу любящее пуще самой Спарты. Среди всего, что выпадает человеку, одна любовь, когда людей связует чистой связью, не потрясается богатством, тирана не боится, царскою властью не бывает смущена, тюрьмы не бережется и смерти не бежит. Ее не испугает ни зверь и не огонь, ни круча, ни пучина, ни меч и не петля; всё невозможное становится возможным, всё страшное – преодолимым, ввергающее в ужас – легко переносимым и всё тяжелое – само собой осуществимым; любые реки можно перейти, остаться на плаву в любые бури и вскачь любые горы пересечь. Любовь дерзает всюду, на всё взирает свысока и пересиливает всё. Любить, когда это действительно любовь, мно-

¹ Перевод *Or.* 18–19 см. Гараджа 2020.

гого стоит. И, думаю я, всякий, кто в своем уме, молиться будет, чтобы никогда любовь его не отпускала, поскольку она делает его разом свободным и бесстрашным, и ни за что не даст упасть.

(3) Но такова любовь, боюсь я, не для всех подряд. Есть и позорное занятие, которое похоже на нее и рядится под дело благородное, и этим сходством пыжится, но несмотря на то, что внешне кажется похожим, бьет мимо цели. Вот так же фармацевт, торговец снадобий, врача изображает, сутяга – ритор, философа – софист. Повсюду ты найдешь хорошее с дурным бок о бок, которые замешаны, то и другое, на немалом сходстве, но различаются намереньем, как ритор от сутяги, или конечной целью, как врач от фармацевта, или по добродетели, как от софиста отличается философ. Но и намеренье, и добродетель, и цель известны лишь немногим. Поэтому, когда дело касается занятий двойственных, двояких, где сходства ⟨явны, а различия в тени⟩², тот, кто не в силах по незнанию одно искусство от другого отличить, по их подобию их неизбежно сводит вместе. (4) Наверное, и о любви нам нужно рассудить похоже, признав, что речь идет об общем имени, о чем-то промежуточном, из ряда вон, над чем ни добродетели нет власти, ни пороку; но обе стороны пытаются обхаживать ее, и принимает облик каждого из ухажеров, смотря с кем свяжется, и отзывается на имя страсти той, какой случится ее вызвать.

Когда на самом деле надвое разделена душа, как утверждается словом Платона, и называется одна часть разумом, другая – страстью, тогда, если любовь – порок, она с необходимостью должна быть страстью, лишенной разума. Но если нечто благородное любовь, тогда одно из двух: она определяется либо по разуму, освобожденному от страсти, либо по страсти, с разумом переплетенной. Если любовь – тяга к приязни, естественный порыв подобного к подобному скорее устремиться и с ним стремление соединиться (но это страсть, не разум), тогда необходимо эту страсть поставить под начало разума, иначе здесь получится болезнь – не добродетель. В том, как тела наши составлены, здоровье – тоже страсть, игра сил влажных и сухих, холодных и горячих, которые прекрасно смешаны искусством человека, искусно слажены самой природой (отнимешь что-либо, природой данное или искусством, – и страсть эту расстроишь, здоровье пустишь прахом); и точно так же в случае любви: пусть и под разумом, но остается страстью, а если ты отнимешь разум, расстроишь всю симметрию любви и целиком всё превратишь в болезнь.

² Перевод по конъектуре Шенкля $\delta\mu\omicron\iota\alpha$ ⟨ἐμφανῆ, τὰ δ'⟩ ἀν(ό)μοια ἀφ(αν)ῆ для рукописного $\delta\mu\omicron\iota\alpha$ †ἀν ἀπῆ† (см. Trapp 1994, 171; Koniaris 1995, 247).

(5) Пускай любовь есть некое стремление души – это стремление нуждается в узде, точно как конь ретивый. Если ты душу предоставишь самой себе, то это всё равно, как, по Гомерову сравненью,³ дать волю жадному коню копытом бить бесчинно по равнине, забыв привычные купальни и ристалища, нестись вольготно без узды и всадника. Но конь, сорвавшийся с узды, – такое зрелище позорно, как слышать о любви бесчинной. Это та самая любовь, которая по кручам скачет, пересекает реки, хватается за меч, завязывает петлю, и покушается на мачеху, на пасынков злоумышляет, и незаконна, безрассудна, неблагодарна. Это та самая любовь, которую на сцене представляют трагики и недолюбливают в мифах, которая полна Эриний, слез, вскриков «увы!», стенаний, которая удачами скудна, но вопреки заслугам превозносится, которая плурует в превратностях разнообразных и неожиданных, телесным наслаждениям подчинена, горя желанием слить тело с телом, и тянется к объятиям, которые и неприличны, незаконны, и даже лишены по-настоящему любви: ее влечет и разжигает лишь слава красоты, но по невежеству она с пути сбивается.

(6) Такой любви обратна та, что от врожденного стремления родить подобного идет и допускает связь в рамках закона лишь с существом рождающим, а значит – женщиной. Это завет богов брака, семьи и рода.⁴ Ей подначальна вся животная природа. Иные из животных ищут пару самопроизвольно, своей особенной любовью подвижны в период случки; другие направляются искусством пастыря – над овцами и козами, коровами и лошадьми, – который сводит, по природе каждого, своих питомцев, то снова разлучает их из опасения, что ошалели и впадут в бесчинство:

*Старших со старшими, средних со средними, новорожденных
С новорожденными...*⁵

Но предстоятель и питатель стад человеческих, царица пастырских искусств,⁶ иного механизма сдержать бесчинство не найдет, пожалуй, пока по своей воле мы не уступим разуму и душу не передадим на попечение стыда и целомудрия. Разным животным разную защиту природа дарит, чтобы сохраняли свою жизнь, как силу – львам, оленям – быстроту, собакам – нюх, умение плавать – тем, кто живет в воде, горным – летать, ползучим – норы. Свой дар и люди получают, хотя в другом и отстают от всех: они слабейшие, если брать силу, и бегуны медлительнее всех, летать не могут, плавать не

³ Ср. *Il.* 6.506 *sq.*, но также *Pl. Phdr.* 253e *sq.*

⁴ Ср. *Pl. Lg.* 836b–837d. Передаем *δικαιοσύνη / θεσμός* как «закон»/«завет».

⁵ *Hom. Od.* 9.221–222 (пер. В. В. Вересаева).

⁶ То есть философия.

горазды и неспособны затаиться в норах. Но бог им разум дал, в противовес возможностям всех прочих, и подчинил ему любовное стремление, как подчинен удила конь, лук – лучнику, кормилу – судно, а мастеру – орудие. И всё-таки всего тупее разум, когда любовью не затронут, ну а любовь всего шальней, когда внушеньям разума не хочет покоряться. Ведь убеждение – это упряжка из любви и разума, которые к прекрасному устремлены и от стремительного бега к нему блещут.⁷

Кто полагает, что прекрасное в природе тел погребено, тот красоту на наслаждение променял, которое его и обмануло: ведь наслаждение – убедительное зло, исполненное лести. (7) Вот так и получилось, что юноша троянский, который до поры бродил по Иде и пас своих коров, вдруг утомился от домашних наслаждений и к морю с гор спустился, на корабль взошел и путь в Пелопоннес направил – пират-любовник, не иначе.⁸ Как видно, не нашлось другого тела, достаточно прекрасного, по весям Азии – троянского, дарданского, геллеспонтийского, лидийского, – которому был бы язык влюбленного родным, воспитанному в тех же нравах и обычаях. Нет, в Спарту он явился, на Еврот, этот повеса, взбродивший море, этот влюбленный в сон, и оскорбил того, кто принял его в дом, брак эллинский разрушив и поправ. О ненасытная любовь, несправедливые сны, бесстыжие глаза! О наслаждение, водитель стольких зол! Вот и великий Ксеркс, который войско выставлял у Саламина против эллинов и при Платеях, который стольких тел был зрителем и господином полновластным: его любовь не привлекла ни рослая индуска, ни девушка из Мидии в тиаре, ни мигдонийка в колпаке, ни при оружии карийка, ни с песней своей лидийка, ни ионийка, ни геллеспонтийка – но к Аместриде он пришел, супруге сына.⁹ О злейшая любовь, что снедь здоровую бросает, а напускается на пищу горькую и вовсе несъедобную, разнузданным рождаемая произволом, которая над силою приязни лишь надругаться может! Когда ты знанье отнимаешь у души, но власть предоставляешь, ты бурному, без удержу, наплыву заблуждений путь раскрываешь. Стоит отнять у Александра власть Приама, а вместе с нею дерзость, – и он останется обычным пастухом и никогда не станет грезить

⁷ См. Trapp 1994, 174 и Koniaris 1995, 251 о смутившем многих λαμπρονομένων.

⁸ Вместо ληστήν ἐραστήν Koniaris 1995, 251 предлагает ληστήν ἐρώντα «пират влюбленный» или ληστήν μάλλον ἢ ἐραστήν «пират скорее, чем любовник».

⁹ У Геродота (7.61, etc.) Аместрида, дочь Отана, – жена Ксеркса, а имя его любовницы и жены его сына Дария – Артаинта, дочь Масиста (9.108–109).

о Елене. Стоит отнять у Ксеркса его власть – и разве не утратит сразу Аместрида свои чары?¹⁰

(8) Ведь и среди обычных граждан разнузданная тирания правит, когда далёко разум и застит алчностью глаза. Но стоит лишь пресечь их произвол – и сразу перестанет хотеть об Евтидема тереться Критобул, об Автолика – Каллий, равно как и Павсаний – об Агафона, да и вообще кто-либо – о кого-либо другого.¹¹ Вот почему обычай у критян хвалю, а у элейцев порицаю: критский обычай я хвалю за принуждение, за произвол элейский порицаю.¹² На Крите юноше позор быть ⟨без⟩ любовника,¹³ но и для молодого человека там позор к возлюбленному прикасаться. Что за прекрасная смесь целомудрия с любовью в этом обычае! Я об элейских говорить не стану, а вот о лакедемонских скажу. Муж спартиат лаконца юношу может любить, но только так, как любят статую прекрасную: многие могут одного любить и так же один – многих. Ведь наслаждение любви бесчинной с другими не поделишь, любовь же глаз одна с другими делима и сообщается всем существам, к любви способным.¹⁴ Что может больше солнца отрадой быть столь многим зрячим? Но всё же солнце любят всех глаза.

(9) Когда-то в италийских Локрах жил-был прекрасный отрок, был и обычай там прекрасный, и были там еще любовники дурные. Любить их вынуждала красота его – но запрещал обычай любить дурно. К бесчинству подстрекаемые страстью, они, однако, отрока не уломали (тот был обычаю послушен), и все до одного несчастные отправились в петлю. Они были достойны смерти: как можно продолжать жить человеку, который неспособен терпеть свои глаза? Кто видит статую и хвалит красоту ее, в петлю не лезет. Когда коня видит лошади и хвалит красоту его, но нет возможности его приобрести, в петлю не лезет. И если земледелец углядел какое-то прекрас-

¹⁰ Перевод этой и следующей фразы по конъектуре Траппа, переносящего концовку вопроса *καὶ ἐν ἰδιότητι*, которая характеризовала бы Аместриду как «из простых», а не только непривлекательную, в начало нового предложения.

¹¹ Ср. *X. Met.* 1.2.30 и *Smp.* 1.2, а также *Pl. Smp.* 193b.

¹² О критских любовных обычаях см. *Pl. Lg.* 836b и *Str.* 10.4.21; об элейских – *Pl. Smp.* 182b, а также *X. Lac.* 2.12 и *Smp.* 8.34. «Принуждение» (*ἀνάγκη*) и «произвол» (*ἔξουσία*) здесь прежде всего характеризуют регламентацию отношений *эраста* и *эромена* «обычаем», который задает им жестко определенный формат (на Крите) либо допускает их произвольное оформление (в Элиде).

¹³ Старинная (еще от Пацци) конъектура *ἀν᾽έρστον*.

¹⁴ Перевод по тексту Кониариса: *κοινωνικός μόνος, καὶ ἐπὶ πάσας* против *κοινωνικός, μόνον οὐκ ἐπὶ πάσας* у Траппа. *Brumana* 2019, 354–355 принимает текст Траппа, но в своем переводе нагромождает обе версии.

ное растение в саду соседа, ему довольно вида одного. И если на глаза охотнику попался в чужих руках хорошенький щенок, ему довольно вида одного. Никто из них не хочет умереть от невозможности приобрести что-либо. Скупцы же любят свое золото поди поболее, чем любовники – тела, и больше их желание, чтобы со золотом вместе их похоронили, желания влюбленных вместе с любимыми лежать в могиле; но если золота нажить не удалось, никто из них не хочет себе смерти. И даже царь персидский, который всех стяжателей был ненасытнее и одержимей, не стал, когда не выгорело с золотом, лезть в петлю.¹⁵ Земли властитель (столь обширной)¹⁶ и в стольких наслаждениях погрязший, что ими утолились бы желанья любого неводержного царя, он тем не менее задумал мертвеца в гробнице потревожить, молвою соблазвившись, что вместе с мертвым телом там было золото зарыто. И вот великий царь, увенчанный тиарой, вскрывает ту гробницу – но золота там не находит, а только надпись на плите надгробной, гласившую: «О самый алчный из людей, который из любви ко золоту посмел коснуться мертвого!». Но то же самое можно сказать по-эллинически и к мужу эллину, который над [живыми] телами бесчинство затевает, неутолимым вожделением горя, молвою соблазвившись о погребенной в теле красоте: «О самый неразумный из людей, ты разрываешь труп; был бы разумен, ты бы не посмел коснуться мужской плоти – запретной для другой плоти мужской. Такая связь несправедна, такой союз бесплоден: ты засеваешь камни и пески ораешь.¹⁷ Лучше отдай природному свои увеселенья, на земледелие ты обрати глаза, и плодотворным наслаждениям предайся,

Чтобы бесчадный, пресекающийся род не погибнул...¹⁸».

21. ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ

(1)

Всё неправда в рассказе этом, –

так говорит в каком-то из своих творений поэт гимерский, от прежней отнекаясь песни, где он неправду о Елене произнес, как признается сам, и потому теперь хвалою он возмещает прежнюю хулу.¹⁹ Мне кажется, что я и сам, как тот поэт, должен придумать некую палинодию, чтобы продолжить свои

¹⁵ История о неудачном вскрытии Дарием гробницы вавилонской царицы Нитокрис почерпнута из Геродота (1.187).

¹⁶ Перевод по ряду списков: <τοσ>αύτης γῆς; ср. Kopiaris 1995, 254.

¹⁷ Ср. Pl. *Lg.* 838e, а также Clem. Al. *Paed.* 20.9.4.

¹⁸ *Hom. Il.* 20.303 (пер. Н.И. Гнедича).

¹⁹ Имеется в виду Стесихор из Гимеры, fr. 192 (15) Page (пер. Н.Н. Казанского), почерпнутый вместе с рамочным обсуждением из Pl. *Phdr.* 243ab.

речи о любви. Ведь и Эрот – бог и не хуже, чем Елена, мощен назначить кару тем, кто фальшью оскорбит его. Так в чем же эта фальшь, которую, как говорю, нам нужно возместить? Она страшна и велика, а демон этот неподкупен, и чтобы убогатворить его вполне, нам нужен истинный поэт и мистагог: тут нужно не дары нести – к примеру, семь треножников, десять талантов золота, лесбийских женщин или же коней троянских,²⁰ – а сгладить слово словом, лихое – добрым, лживое – правдивым.

(2) Как говорят, и знаменитый теосский поэт Анакреонт понес такого рода кару от Эрота. На Паниониях, собрании всех ионян, кормилица случилась, кормившая младенца. А тут идет Анакреонт, упившийся, увенчанный венком, и горлопанит²¹; споткнулся – и толкает кормилицу с младенцем, и в довершение ребенка ругательски бранит. Но женщина не рассердилась на Анакреонта – лишь помолилась, чтобы некогда этот наглец бесчинный расхваливал ребенка столь же безоглядно, как он сейчас его ругал, а то и пуще. Исполнил бог молитву: ребенок этот вырос, и стал он Клеобулом, красивейшим из всех, и многими хвалами Клеобулу воздал Анакреонт за разовую крохотную брань.²²

(3) Так что мешает нам сегодня свою вину, как сам Анакреонт, загладить и возместить от всей души Эроту кривду дурного языка? Разве не дурость утверждать, будто любовь к прелюбодейству поджигает, как Александра, или к презрению закона, как Ксеркса, или к бесчинству в поведении, как Критобула, да и вообще валить на бога дела безбожные?²³ Давайте-ка рассмотрим это вот как. Любовь – это любовь к чему-либо, помимо красоты? Едва ли так: когда бы не была любовью к красоте, то не была бы и любовью. Когда мы говорим, что Дарий «любит» деньги, Ксеркс – землю эллинов, Клеарх – войну, Агесилай – честь, Критий – тиранию, Алкивиад – Сицилию и золото – Гиалипп,²⁴ то оттого ли, что мы наблюдаем некую явленную красоту и называем увлечение к ней «любовью», поэтому и можем высказать о каждом, что тот «любит» одно, другой – другое? Совсем не так. Мы против самой истины сфальшивим, если из человеческих дел самые позорные решим украсить именем, которое им не пристало. Какая красота в деньгах – негоднейшей из всех вещей? Или в войне – непостояннейшей? А в тира-

²⁰ Дары Агамемнона Ахиллесу (Ном. II. 9.121–130); переводим *πλημέλῃμα* как «фальшь» (этимологически), *τελεστής* – как «мистагог».

²¹ Читаем по Гобейну: *λάχων* вместо слишком нейтрального *ᾄδων*.

²² Ср. Анакр. fr. 357 (12), 359 (14) Page.

²³ Ср. выше, Or. 20.7–8.

²⁴ Ср. Or. 20.9 (Дарий); Or. 20.7 (Ксеркс); X. An. 1.1.9, etc. (Клеарх); Or. 19.5 (Агесилай); Or. 7.7 (Критий); Or. 6.6, etc. (Алкивиад); Plu. Lys. 16–17, etc. (Гиалипп).

нии – самой зверской? А в золоте – из всех чванливейшей? А если о Сицилии ты станешь говорить, или об эллинской земле, то будешь разуместь надежды насладиться чем-то – никак не красоту. И даже если, клянусь Зевсом, ты заведешь речь о Египте, великих пирамидах и реке могучей, или еще о Вавилоне, крепчайшем стенами, о Мидии, конями достославнейшей, о Фригии, ее тучнейших пажитях, или о Сардах, золотом изобильнейших. Но до того, чтобы прекрасным быть, всё это далеко – настолько же, как чтобы быть приятным; хотя из этого всего любая вещь скорей приятна – для того, кто может ею насладиться, – чем прекрасна – для того, кто неспособен пользу из нее извлечь. Ведь ни одна прекрасная вещь не вредит и не дает споткнуться, порок не поощряет, к несчастью не ведет, не тянет к преступлению и не влечет раскаянья.

(4) Ну хорошо. Любовь для нас – не что иное, как к красоте любовь; а тот, кто любит что иное – не красоту, – тот любит наслаждение. Давай, если угодно, снимем это имя и скажем, что последний «вожделеет», а не «любит», чтобы неправильным употреблением нечаянно не подменить и саму вещь, не только имя. Так пусть «любовь» нас будет наводить на красоту, а «вожделение» – на наслаждение. Но разве тот, кто любит красоту, ее не вожделеет? Ну да, и даже очень. Любовь – едва ли что иное, как некое желание. Прощу прощения у сведущих охотников на имена, что я одну и ту же вещь то «наслаждением», то «вожделением» зову. Помимо прочего, я полагаюсь на Платона также в том, как он свободен с именами.²⁵ Но если им²⁶ так хочется, пускай любовь – не «вожделение», а некое «желание», и вот какое проведем различие. Если душа к явно прекрасному влечется, пусть это называется «любовью», а не «вожделением»; если же нет, пускай зовется «вожделением», а не «любовью». А что если какой-то необузданный софист прицепится к придатку «явно» и скажет, что ему прекрасным кажется нечто приятное?²⁷ Мы согласимся, что он тоже любит? Опять-таки, что если кто-то, посмотрев на истинно влюбленных, которые к прекрасному стремятся, увидит в этом

²⁵ Ср. *Stob. Ecl.* 2.7.3f (p. 49.25–50.1 Wachsmuth): τὸ δὲ γὰρ πολύφωνον τοῦ Πλάτωνος (οὐ πολύδοξον). В настоящем переводе мы, напротив, стараемся выдерживать терминологию: ἐπιθυμία ‘вожделение’, ἡδονή ‘наслаждение’ (при ἡδύς ‘приятный’), ὄρεξις ‘желание’ или ‘стремление’. Ср. также *Pl. Prt.* 358a.

²⁶ То есть охотникам-софистам.

²⁷ Истинная любовь для Максима – это любовь к красоте (κάλλους ἔρωσ), а любовь к явно прекрасному (к тому, что прекрасным является, то есть кажется, φαίνόμενον, или воображается, φανταζόμενον) он определяет как любовь к наслаждению/приятному. Отсюда различие «любви» и «вожделения», а их выпадающее из системы сочетание обозначается как «желание/стремление».

их стремлении, нацеленном на красоту, приятное и скажет, опираясь на эту примесь наслаждения, что и они тут вожделяют, а не любят? И как же нам здесь провести различие? Если прекрасное воображается приятным, а наслаждение примешано к прекрасному, тогда есть риск и вожделение смешать с любовью. А хочешь, мы отнимем это «явно» у прекрасного, чтобы не дать возможность наслаждению когда-либо его тайком изображать – но не у наслаждения зараз?²⁸ Прекрасное, вещь ценная в самой своей природе, должно быть [истинно] прекрасным, чтобы любезным быть; а наслаждению довольно лишь казаться, но не быть [любезным]: своим существованием оно обязано не собственной природе, а радости, которую испытывает тот или иной, поэтому ему достаточно лишь мниться, но не быть.

(5) Примерно это я хочу сказать – конечно же, я понимаю, что различия мои совсем тонки, и потому нуждаюсь здесь в примере. Тело, как кажется, не может быть напитано, когда не поступает пища, зубы не трудятся, кишки не принимают, и без работы всей пищеварительной системы, распределяющей питание по телу. Как говорят, при Кроне жившим людям служили пищей желуды и груши; значит, земля сама собой, как полагалось, плоды несла, и людям не было нужды ее возделывать – на прожить хватало самородной пищи. Если добавишь поваров, приправы всякие, разнообразие стола, свое для каждого народа – изыски сицилийцев и роскошь сибаритов и утонченность персов, – всем этим сможешь ты дать имена для наслаждения. И у всего, что назовешь, есть общее – быть пищей, но наслаждение у каждого свое: питание принадлежит к природе, к искусству – наслаждение. А если поменять столы – поставить сицилийский перед персами, персидский перед сицилийцами – то каждый так же, как и раньше, насытится неважно какой пищей, однако наслаждение, переменявшись, тут с непривычки превратится в муку. Итак, питание имеет место согласно сущности того, что может напитать, тогда как наслаждение – в зависимости от того, как человек, привыкший наслаждаться так или иначе, воспримет нечто.

(6) Каждый народ привычен к своему. Так, элины и персы, лидийцы, финикийцы и прочие в таком же роде сажают виноград и трудятся над ним, затем срывают гроздь и делают напиток, который, в общем-то, не то чтобы полезен и необходим, но тем не менее для наслаждения годится в самый раз. А скифы многие живут на молоке, как эти – на вине; питье им снабряют пчелы, сплетающие ульи на скалах и дубах. Есть и такие среди них, которые не оскверняют каналов и потоков нимф, а воду пьют из родников. Есть среди скифов, кажется, еще одно такое племя, которое пьет воду – но

²⁸ То есть не отнимем феноменальность у наслаждения, как у прекрасного.

когда им нужно насладиться, опьянев, строят костер и воскуряют в нем какие-то душистые растения, рассаживаются в круг возле огня, точно вокруг кратера, и запахами потчуют себя, как выпивкой другие, и, в самом деле опьянев от них, пускаются скакать, петь и плясать.²⁹

(7) К чему мне было нужно это отступление? А чтобы показать вам, как различаются между собой прекрасное и наслаждение. Попробуй сопоставь необходимое и то, что от природы, и в пище, и в питье с самым прекрасным, которое должно *быть*, а не просто мниться, а пестроту и нарочитость разных блюд, что радуют по-разному и разных, – конечно, с наслаждением, которому лишь мниться нужно. Если всё так, тогда любовь, выходит, – разум и добродетель и искусство: разум по истине и добродетель по настрою и по умению схватить прекрасное – искусство, а вождения зависимы от наслаждений, от неразумных – неразумные.

Поскольку, чтобы породить любовь, прекрасное должно прекрасным *быть*, что можем мы о нем сказать – какого она рода и как действует? Хочешь, скажу тебе о том, что нагадал о нем Сократ? Душа когда-то созерцала само прекрасное, которое неизъяснимо и превосходит силу глаз, – ныне она о нем припоминает как бы во сне. Она не может видеть его четко в этой жизни, коль скоро от него отстранена и местом, и уделом, оторвана от зрелищ тех в этой земной юдоли, обернута обильной, многослойной грязью, которой баламутится душа, и туго с жизнью связана, которая темна, запутана и до краев полна сумятиц и разлада. Природа же прекрасного, беря начало где-то там, к нам вниз мало-помалу опускается, всё больше притупляясь по пути и мощь свою начальную теряя. (8) Впадая в море, реки величайшие близ устья сохраняют свои струи без горьких примесей иной природы и дарят чистое питье идущим в море морякам; однако, продвигаясь дальше, в открытый океан вливаясь, реки бросают свои струи на волю ветра, волн, волнений и водоворотов, из-за смешения теряя свою начальную природу. Вот так же красота, которая неизъяснима и бессмертна, сначала движется по небесам и по телам небесным и остается там, близ устья, чистой, беспримесной и цельной; когда же прыскает с небес вниз, в дольний мир, она слабеет и тускнеет, и вот наш мореход, привыкший к той реке и помнящий ее природу, уже с трудом может узнать ее поток, видя, как он блуждает мутно по земле, перемешавшийся с чужой природой. Но если, вдруг столкнувшись с ним, его он узнает – хотя бы только промелькнувший след, – тогда, как Одиссей, завидевший [Итаки] дым, он скачет, зажигается, сияет и – влюбляется.

²⁹ Ср. рассказ Геродота о массагетах (1.202.2).

Какую-то частицу этой красоты может принять всё, что угодно, – и полноводная река, и жизнью пышущий росток, и благородный конь, – но речь, конечно, тут идет о самой вялой, тусклой части. А ⟨чистый свет⟩ ее, если вообще он где-то на земле пролился,³⁰ увидеть сможешь только в человеке – самом прекрасном и разумном из всех земных созданий, притом душою наделенном, прекрасному едиnorodной. Вот потому-то человек разумный увидит статую – и мастерство в ней хвалит, но не влюбляется в нее, растение увидит – и может плод хвалить, в растение, однако, не влюбляется, и реку может похвалить за ласковые воды, но не влюбится в реку; но стоит встретить человека и разглядеть в нем красоту, которая жива, умна и добродетелью чревата, тут память сразу оживает, и он влюбляется, по видимости – в то, что видит, по правде же – в ту красоту, которая еще правдивей. Вот потому-то и Сократ пускался на охоту, ловить прекрасные тела, и взглядом схватывал всё сразу, не упуская ничего. Где было красоте укрыться от такого? Нырля ли он в палестру, бродил по Академии, кутил ли на пиру – он всюду был ловец искусный³¹ и в человеческих телах всегда искал свое, ими живя и память об истинной питая красоте.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гараджа, А.В., пер. (2020) “Максим Тирский о сократической любви (*Or.* 18–19),” *Платоновские исследования* 13,2, 334–353.
- Brumana, Selene I.S., ed. (2019) *Massimo di Tiro. Dissertazioni*. Saggio introduttivo, traduzione, note e apparati. Milano: Bompiani.
- Dübner, J. F., ed. (1840) *Maximi Tyrii Dissertationes*. Parisiis: Editore A. F. Didot.
- Garadja, A.V., tr. (2020) “Maximus of Tyre on Socratic Love (*Or.* 18–19),” *Platonic Investigations* 13,2, 334–353. (In Russian.)
- Hobein, H., ed. (1910) *Maximi Tyrii Philosophumena*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Koniaris, G.L., ed. (1995) *Maximus Tyrius. Philosophumena – ΔΙΑΛΕΞΕΙΣ*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Pack, R.A., ed. (1963) *Artemidori Daldiani Onirocriticorum libri V*. Lipsiae: in aedibus Teubneri.
- Trapp, M.B., ed. (1994) *Maximus Tyrius. Dissertationes*. Stutgardiae et Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Trapp, M.B., tr. (1997) *Maximus of Tyre. The Philosophical Orations*. Translated, with an Introduction and Notes. Oxford: Clarendon Press.

³⁰ Перевод по конъектуре Мейзера: εἰ δέ τις ἐστὶν ⟨ἀύγῃ καθαρά⟩ αὐτοῦ ἐπιφοιτῶσα τὴν γῆν, etc. (см. Trapp 1994, 184; Koniaris 1995, 266).

³¹ Выражение θηρευτῆς δεινός – из Pl. *Smp.* 203d5–6.